

Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации (По воспоминаниям жителей района)

Воспоминание — это продукт памяти, а «память — преодоление времени, преодоление смерти»¹. «Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединённым с прошедшим»². Сознвая это, люди старшего поколения передают молодым эстафету памяти, рассказывая о том, что было на Пушкинской земле в период фашистской оккупации и о превратностях судеб тех, кто оказался на оккупированной врагом территории.

Пушкиногорский район (до 1937 г. назывался Пушкинским) в годы Великой Отечественной войны стал ареной кровопролитных боёв. Самыми значительными из них были героическая оборона Селихновского моста при отступлении советских войск, и ожесточённые кровопролитные бои, длившиеся более трёх месяцев на Стрежнёвском плацдарме, во время наступления Красной армии в 1944 г. Между этими событиями протянулись три долгих года фашистской оккупации...

Летом 1941 г. линия фронта стремительно приблизилась к границам нашего района. Анатолий Дмитриевич Малиновский в книге «Подпольщики Пушкинских Гор» писал о том, что в ночь на 4 июля (по другим данным 3 июля)³ трёхмоторный немецкий бомбардировщик сбрасывал бомбы на Святогорский монастырь. Малиновский вспоминал: «Я перебежал дорогу и по скату холма поднялся к собору.

Купол был разбит до основания. Искорёженные жёсть и железо каркаса лежали возле самого обелиска. Упали бомба чуть правее — и вместо могилы Пушкина была бы воронка, такая же, как у нашего дома...

Хмелёва Елена Васильевна — старший методист Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское».

В полдень над станцией Тригорская нависла целая армада бомбардировщиков, захали взрывы»⁴.

Анна Васильевна Петрова, работавшая в начале войны продавцом в привокзальном ларьке, на всю жизнь запомнила свой последний рабочий день на железнодорожном вокзале. Спустя много лет она вспоминала: «Мой рабочий день уже подходил к концу. Я передала дела сменщице, подруге и собиралась уходить домой. Как раз в это время прибыл очередной поезд с бойцами. Только солдатики высыпали на перрон, как вдруг раздалось: «Воздух!» — их всех сразу, как ветром сдуло — укрылись кто в вагонах, кто к кустам побежал. Я тоже к кустам кинулась, а сменщица за мной бежит, а сама, заикаясь, во всё горло кричит: «Жи-жи-жили вместе, в-вместе и умрём!». Видно накануне Пушкина читала, «Капитанскую дочку». Я-то на бегу свой белый халат скинула, а она в яркой жёлтой блузке бежит... Солдаты ей из-под кустов кричат: «Снимай кофту», а ей нельзя, голая останется. Я шмыг к солдатам в кусты — и она за мной. И смех, и грех, как говорится»⁵.

Другая жительница, свидетельница этого авианалёта, Мария Фёдоровна Григорьева, тоже помнит эту бомбёжку. Вот её воспоминания: «Наша семья жила на Пушкинской улице. Когда началась бомбёжка, я с сестрой и братишкой Вовкой находилась дома. Среди них я была старшей, к тому времени мне уже исполнилось 16 лет. Услыдав взрывы, я схватила на руки маленького Вовку и мы побежали прятаться в Раховские горы. На вершине одного из холмов мы залегли под раскидистым кустом. Я повалилась прямо на братишку, чтобы, если, не дай Бог что случится, хотя бы он остался жив. Потом к нам прибежала и мама.

Сначала немецкие самолёты бомбили Пушкинскую улицу и территорию «Трудовика», затем они полетели в сторону железно-

дорожного вокзала. Когда самолёты улетели, мы поднялись с земли и с вершины холма наблюдали за тем, как бомбят станцию Тригорская. Самолёты казались крошечными, от них, словно капли дождя, отрывались бомбы, а под ними бурым облаком клубилась вздыбленная земля.

На следующий день большинство пушкингорцев стали собираться в дорогу. В посёлке царила суматоха. Резали скот, который нельзя было увести с собой, разбирали казённых лошадей, их в то время было много.

Папа пошёл в военкомат с просьбой об отсрочке от армии, для того, чтобы эвакуировать семью. Отсрочку дали, но с условием, что он будет обязан отмечаться в каждом военкомате, находящемся на пути следования колонны беженцев. На работе отцу выделили кобылку Зорьку, на которой он в мирное время развозил по магазинам продукты.

Зорька была норовистой лошадкой, слушалась только хозяина, а если что-то было не по ней, то лягалась, кусалась и визжала. На этой кобылке везли свой скарб четыре семьи. Разумеется, взяли с собой только самое необходимое, но про топор забыли, как раз его-то больше всего недоставало во время нашего долгого скитания. Зато я захватила дореволюционные открытки с видами наших мест, а потом всем показывала, откуда мы пришли, хвасталась тем, что на нашей земле похоронен сам Пушкин, а значит, и мы не лыком шиты.

Больше месяца мы шли пешком в сторону Калинина. На телегу никто не садился — берегли Зорьку. Даже маленький Вовка, когда сильно уставал, ехал не на лошади, а верхом на корове. Идти было тяжело, лето было жаркое, а беженцев было много. От движущейся колонны поднимались клубы пыли. Пыль забивала ноздри, резала глаза. Дорога была выбита копытами колхозных коров, шедших след в след, друг за другом. Голодные и не доенные, коровы мычали. Мимо нас в сторону фронта с грохотом и скрежетом проходили танки. Нашу колонну преследовали фашистские самолёты: бомбили, а то и просто расстреливали из пулемётов. После бомбёжек беженцы прирезали покалеченный скот и питались этим мясом.

Однажды после очередной бомбёжки мама взяла нож и спустилась в овраг, чтобы

прирезать валявшуюся там тёлочку, а тёлочка вдруг поднялась и пошла за ней. Так тёлочка с нами и осталась. Тёлочка была жёлтенькая, как солнышко. Сколько лет я уже прожила на свете, а коров такого цвета больше никогда не видела. Кобылка Зорька тоже была светло-рыжего цвета. В эвакуации я на ней работала в колхозе».

В тылу, по словам Марии Фёдоровны, наши земляки трудились в колхозах, на лесозаготовках, в заводских цехах, производя снаряды.⁶

По воспоминаниям Раисы Ивановны Бельковой, железнодорожную станцию «Тригорская» фашисты бомбили не один раз. Во время этих бомбёжек погибло человек двадцать.⁷ Тем не менее, большая часть станционных построек в годы войны не была разрушена. В настоящее время оставшиеся постройки приспособлены под жильё, а здание железнодорожного вокзала, по словам Евгения Фёдоровича Аникова, бывшего в годы войны мальчишкой, в послевоенное время разобрали и из этих брёвен на территории больничного городка поставили амбулаторию.⁸ Само железнодорожное полотно, по словам Алевтины Никандровны Изотовой, немцы при наступлении разбомбили, поэтому поезда в годы войны по нему не ходили.⁹

Вероятно, вскоре после первой бомбёжки эвакуировался и Пушкингорский военкомат. Это предположение подтверждает рассказ Виктора Григорьевича Никифорова о своём отце Григории Никифоровиче: «Перед войной отец работал на строительстве аэродрома в деревне Захино Пушкинского района. В двадцатых числах июня рабочим сообщили, что началась война и военнообязанным было приказано ехать на грузовике в Пушкинские Горы для призыва в армию. Однако в военкомате призывникам сказали, что никакой войны нет, что это провокаторы распустили слухи. Грузовик с рабочими вернулся назад, всем было велено вновь приступить к работе.

Рабочих распустили только когда, когда враг вплотную подошёл к Пушкинским Горам. Мой отец пешком пришёл домой и сразу отправился в военкомат, но тот уже был закрыт, во дворе военкомата догорал костёр, в котором тлели груды обгоревшей бумаги, а

сильный ветер разносил по всему двору обгоревшие клочки документов».¹⁰

Бои на ближних подступах к посёлку развернулись 7 июля. Особенно ожесточённые сражения шли у деревни Селихново. Целых девять дней части 24-го стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта, возглавляемого генерал — майором Кузьмой Максимовичем Качановым, обороняли дорогу, ведущую в сторону Пушкинских Гор, и мост, перекинутый через реку Великую. Девятого числа фашисты ворвались в посёлок. Всю ночь с 9 на 10 июля шли бои за Пушкинские Горы. В результате этих боёв враг был выбит из посёлка. Неся большие потери, он отступил на левый берег Великой. Только «вечером 16 июля в связи с угрозой окружения (уже был взят врагом Новоржев), наши бойцы получили приказ отступить из Селихново. Бои за Селихновский мост продолжались до утра 17 июля».¹¹

Фашисты наступали стремительно, поэтому не все жители Пушкиногорья, желающие эвакуироваться, смогли это сделать. Алексей Васильевич Михайлов вспоминал: «Мне тогда было 16 лет. Наша семья не успела дойти до Новоржева, так как нам дорогу преградили фашистские войска. Мы вернулись в свою деревню Юнькино. В деревне было спокойнее, чем в посёлке, где было полно немцев. Вскоре после нашего возвращения стали к отцу навещать какие-то незнакомые люди, а после их ухода отец стал поручать мне то что-либо разузнать, то кого-то переправить к партизанам, то передать кому-то сведения или листовки.

В то время всё трудоспособное население, находящееся на оккупированной фашистами территории, должно было нести трудовую повинность. В перечень работ, которые должны были выполнять местные жители, входило строительство сооружений линии «Пантера». Я тоже был направлен на эти работы, и мне было поручено передавать сведения о возводимых объектах партизанам.

Однажды во время выполнения одного из заданий меня ранило в ногу. Я полгода не показывался на улице, чтобы соседи ничего не заподозрили.

Как-то раз к отцу пришёл деревенский староста и предупредил, что ему, по доносу соседей, поручено меня арестовать. Я ушёл в

партизаны. Там я служил в 41 отряде 4 полка 3 Ленинградской партизанской бригады. Четвёртого февраля 1944 года во время выполнения одного из заданий, я был схвачен по доносу одного из местных старост. Когда меня вели в военную комендатуру, проходя мимо виселицы, установленной возле каменных амбаров, я подумал: «когда поведут на казнь, брошусь наутёк, пусть лучше пристрелят, чем болтаться в петле».

Меня доставили в подвал комендатуры, где устроили допрос, затем, связав кисти рук и подвесив меня за них на вбитый в стену железный крюк, избивали плёткой. Закончив допрос, мне повесили на шею табличку с надписью «бандит», так немцы называли партизан.

Жили заключённые там же, в подвалах комендатуры. Кормили нас один раз в сутки, выдавая кусок хлеба и кружку воды. Утром всех строем выводили во двор справить нужду. Нас в это время окружало до сорока вооружённых полицаев, находившихся на расстоянии метра друг от друга, и двое немцев с собаками.

Полицаи жили в комендатуре, размещавшейся в здании средней школы, а через дорогу от неё находилась квартира коменданта. Однажды меня повели на допрос к самому коменданту. Когда меня ввели в кабинет, коменданта ещё не было. В комнате за столом сидела красивая девушка. Она тихо сказала: «Друзья подменили показания. Ты не партизан, а только показывал им дорогу. Настаивай на этом — останешься жив, но свободу не получишь. Когда войдёт комендант, я дам тебе пощёчину».

Когда дверь открылась, девушка вскочила, отвесила мне оплеуху и стала кричать то по-немецки, то по-русски, обвиняя меня в помощи партизанам. Комендант приказал ей успокоиться, затем ознакомился с документами и велел отвести меня в гестапо.

В гестапо меня снова допрашивали, избивали плетью, да так, что кожа отлетала ошметками. Иссекли и грудь, и спину. Закончив допрос, сняли с шеи табличку с надписью «бандит», дали расписаться в протоколе допроса и отправили назад, в комендатуру. Как дошёл до комендатуры, не помню. Через сутки меня с двадцатью другими заключёнными

на машине отвезли в Псков. Я оказался в концлагере Овсище. На территории лагеря были размещены два длинных барака, отделённых друг от друга колючей проволокой: один для мужчин, другой для женщин.

В мужском бараке по обеим сторонам от прохода прямо на полу лежала труха от соломы. Казалось, что она шевелилась от крупных вшей. На этой соломе лежали люди. Когда я вошёл в барак, меня кто-то позвал по имени. Оказывается, это был знакомый из соседней деревни Покормово, Гаврила Варфоломеевич Варфоломеев. Он вместе с женой и дочкой был отправлен в лагерь за то, что его сын ушёл в партизаны. Я опасался, что та же участь постигнет и моих родных, но, как я позднее узнал, их предупредили, что я арестован, и они тайком ушли из деревни.

Гаврила Варфоломеевич, подзывая меня, предложил расположиться рядом. Не успел я лечь, как меня облепили вши, почувявшие запах крови, и стали разъедать раны. Тогда Гаврила Варфоломеевич принёс немного воды, достал из кармана завязанную в тряпицу щепотку соли, высыпал её в воду и, аккуратно отодрав присохшую к телу окровавленную рубашку, смочил соляным раствором иссечённое плетью тело. Вши отступили, мне сразу стало легче.

Два дня нас не гоняли на работы. За это время я окреп, раны слегка затянулись, помог мне встать на ноги и Гаврила Варфоломеевич. Он иногда отламывал от своей пайки хлеба маленький кусочек и отдавал мне, несмотря на то, что он сам был крайне истощён и ослаблен. Пусть это был совсем маленький кусочек, который сразу таял во рту, но в то время и этот кусочек много значил. Во время разговоров Гаврила Варфоломеевич часто подбадривал меня, уверял в скорой победе наших войск, в том, что нас скоро освободят, а во время построения поддерживал меня, чтобы я не упал и меня не «пустили в расход».

Построение проходило утром во дворе концлагеря. Заключённые становились в шеренгу, более крепкие мужчины поддерживали ослабевших товарищей. Перед строем проходил немецкий офицер, пересчитывая нас. В заложённых за спину руках он держал плётку, которой время от времени хлестал то

одного, то другого арестанта. После построения нам выдавали по 200 граммов хлеба, а вечером, после работ, давали немного баланды, сваренной из кормовой свёклы.

Работали мы на берегу Великой на возведении каких-то бетонных оборонительных сооружений. После войны они были разобраны.

Советские войска наступали. 27 февраля Псков бомбили, а 28-го числа всех заключённых рассортировали по возрасту, загнали в товарные вагоны, и поезд тронулся. Пожилых высадили в Витебске. С тех пор я Гаврилу Варфоломеевича не видел. После войны от его жены, оказавшейся вместе с ним в одном вагоне, я узнал, что Гаврила Варфоломеевич от истощения и непосильной работы скончался в концлагере в Витебске.

После высадки в Витебске пожилых людей, поезд двинулся дальше. В нашем вагоне ехало где-то 70 парней и девушек. Только мы не разбирали, кто к какому полу относится, настолько были истощены, что все походили друг на друга.

Ехали мы долго, целых 7 дней. В пути было много остановок: то ждали, когда починят взорванные пути, то когда прицепят вагоны с другими заключёнными. За это время нас покормили один раз, в остальное время даже воды не давали. Большая часть людей, ехавших в нашем вагоне, скончалась.

Как-то поезд остановился на мосту, перекинутом через небольшую речушку. Немцы размотали колючую проволоку, которой был замотан дверной проём, велели нам выносить из вагона трупы и сбрасывать их с моста. Затем нас снова загнали в вагон, дверной проём вновь замотали проволокой; поезд немного проехал, остановился, и теперь заключённые из следующего вагона стали сбрасывать в речку своих мертвецов. Всё это продолжалось до тех пор, пока из всех вагонов не выкинули покойников.

Наконец прибыли в концлагерь, находившийся на территории Франции. Нам велено было раздеться и вымыться с мылом. Нашу одежду подвергли термообработке и выдали деревянные колодки.

Во французском концлагере рацион был разнообразнее, чем в Овсище. К двумстам граммам хлеба и баланде добавили чай-

ную ложечку сахарного песка и маленький кусочек маргарина.

На работы нас гоняли на берег Ла-Манша. Там, напротив границы с Англией, мы строили оборонительные сооружения. В этих местах была трава выше человеческого роста. Это помогло мне вместе с двумя другими заключёнными совершить побег и влиться в ряды бойцов французского сопротивления.

Во время одного из боёв я снова был ранен в ногу и в плечо. Благодаря связям, бойцов, раненных в этом бою, удалось переправить в интернациональный гражданский госпиталь, находившийся в городе Шербург.

Вскоре этот город был освобождён канадскими танковыми войсками, после чего все русские, находившиеся в госпитале, были препровождены в Англию. Там нас встретили радушно: каждый день поили какао, а допросы больше походили на собеседования, целью которых было убедить нас в том, что уровень жизни в Англии намного выше, чем уровень жизни в Советском Союзе, убеждали, что в наших интересах отречься от Родины и принять английское гражданство, а взамен обещали квартиры, машины, женщин. Из семисот человек искушению поддались единицы. Тех же, кто отказался от «райской жизни», отправили в концлагерь.

Через какое-то время представители Советского консульства разыскали нас и добились нашего освобождения. Из узников концлагеря был создан Советский батальон. Восьмого марта 1945 года я вернулся на Родину». ¹²

Михайлов А. В. рассказывал о том, что он был связным между местными подпольщиками и партизанами, затем стал бойцом 3 Ленинградской партизанской бригады, сражавшейся с врагом под командованием легендарного комбрига А. В. Германа. Эта бригада, так же, как и 2 Калининская действовала в северной части района, изгнав врага с территории Русаковского и Зарецкого сельсоветов. Так на территории Пушкинского района был образован партизанский край со своими законами. Здесь гитлеровцы появлялись только во время карательных экспедиций.

В южной части района действовала Пушкиногорская партизанская бригада. Немецкое командование вынуждено было на-

правлять с фронта воинские части для борьбы с партизанами, после чего Пушкиногорская бригада была почти полностью разгромлена, только группе П. М. Киманова удалось пробиться и соединиться с ленинградскими партизанами. Через какое-то время было принято решение вновь сформировать Пушкиногорскую бригаду, которая позже получила название 15-й Калининской.

Взаимодействие партизан с подпольщиками давало хорошие результаты в подрывной работе. Помогали партизанам и местные жители. Большая часть жителей района сочувственно относилась к партизанам, деревенское население оказывало им помощь, снабжая продовольствием и одеждой. Подозревая это и стараясь дискредитировать народных мстителей, фашистское руководство, по свидетельству Михайлова А. В. «стало организовывать группы полицейских, выдававших себя за партизан. Эти оборотни приходили в избы с просьбой помочь партизанскому отряду продовольствием, пользовались гостеприимством хозяев, склоняли их к откровенному разговору, выведывая сведения о дислокации партизан, о их планах и прочем. Затем, забрав продукты, зачастую убивали всех членов семьи». ¹³

Так же под личиной партизан действовал на территории района отряд Вани Пушкина, жителя деревни Слепни. Члены этого отряда занимались мародёрством, грабили крестьян, насиловали девушек и даже девочек. Жительница нашего посёлка Мария Фёдоровна Григорьева со слов очевидцев рассказала о факте изнасилования на глазах у матери, сельской учительницы, десятилетней дочери: «Девочка была очень красивая и была единственным ребёнком в семье. Она отбивалась, плакала и всё кричала: «Не делайте этого, я ещё маленькая». ¹⁴

Дети в условиях оккупации в силу своего возраста оказались самыми незащищёнными и уязвимыми жертвами войны.

Изотова Алевтина Никандровна (в девичестве Шубина) вспоминает: «Мой папа умер в 1935 году, после чего мама, Шубина Дарья Терентьевна, переехала вместе с нами, пятерыми детьми, к своей матери, бабушке Марфе, в деревню Рахово.

Когда началась война, мне было 7 лет. Помню, как мы стояли на крыльце бабушкиного дома, а в той стороне, где находился посёлок, полыхало зарево и что-то грохотало. Мама тогда всё твердила: «Это война, это война».

Потом пришли к нам немцы и прямо на нашем огороде застрелили мою тётю Полю. Я сама этого не видела, но мне показывали место, где её застрелили. Когда её хоронили, я не поверила, что это тётя Поля, потому, что в гробу лежала, как мне показалось, совсем другая женщина. Не признала в ней маму и моя двоюродная сестра Валя, и мы с ней решили, что тётя Поля жива и где-то скрывается. Немцы искали и мою маму, но не нашли. После этой облавы мама постоянно дома не жила, то приходила, то уходила.

Бабушка после гибели дочки долго не протянула. Тихо умерла на печке, так тихо, что никто даже и не заметил, как это случилось.

Люди говорили, что убили мою тётю за то, что она, так же, как и мама, была связана с партизанами, и что выдал их наш сосед, Федя Дьяконов. Так это было, или нет, я не знаю. Знаю только, что этот Федя Дьяконов был женат, имел четырёх дочек и сына Юлика. С Дьяконовыми мы жили дружно, а с Юликом я в детстве играла.

После войны Фёдора Дьяконова осудили за сотрудничество с фашистами и дали девять лет. Федя не отсидел положенный срок, скончался от чахотки. Дом Дьяконовых до сих пор сохранился.

Усадьба Дьяконовых граничила с усадьбой Гусариковых. Хозяин этой усадьбы, Лёша Гусариков тоже понёс наказание за пособничество оккупантам. В то время, когда у нас хозяйничали немцы, Рая, жена Гусарикова, предупреждала людей, чтобы его остерегались, не доверяли ему. Может быть, за это, а может быть за то, что она что-то знала, чего не должна была знать, Лёша Гусариков пытался её вместе с сыном утопить в Великой, да не вышло, наши, деревенские Раю с сынишкой отбили, спасли. Рая ушла от мужа.

Гусариков после того, как район освободили, пятнадцать лет скрывался. Жил в нашей деревне в яме, накрытой жёлобом, из которого прежде поили коров. Теперь-то

я понимаю, для кого его мать, тётя Маня, в послевоенные годы меня просила газеты покупать. Я ей, бывало, говорю: «Тётя Маша, ты же неграмотная», а она мне в ответ: «Ты мне и считаешь». — «Так я ещё плохо читаю». — «Ничего, как-нибудь прочитаешь». Газеты я ей исправно носила, но в дом к себе она меня никогда не пускала.

Потом Гусарикова кто-то выследил, и однажды ночью устроили на него облаву. Только он из-под колоды вылез и пошёл к дубу, тут его и схватили.

Когда в доме Гусариковых устроили обыск, нашли кучу всякого добра: несколько бочек соли, много кусков мыла, отрезы и ещё всякую всячину.

У Гусариковых во время оккупации селились немцы. Жители деревни не знали, что хозяин дома сотрудничает с новой властью, и удивлялись тому, что фашисты останавливаются именно у Лёши: семья-то у него небольшая, да и живёт он посреди деревни. Дело в том, что немцы, как правило, выбирали для постоя безопасное место, то есть такое, чтобы изба стояла на краю деревни (это на случай бегства), а также, чтобы в семье было много детей, так как такие семьи партизаны старались не подвергать опасности. С точки зрения жителей деревни именно наш дом был идеален для постоя. Помимо того, что наш дом был крайний, у мамы было девять ртов: пятеро своих детей, трое племянников, детей погибшей тётки Поли, и мамина сестра, глупенькая Лизонька.

Те немцы, которые останавливались в нашей деревне, нас не обижали, даже иногда угощали конфетами, хлебом, а однажды даже дали мне немного крупы в пакете.

Но, видимо, не положено было немецким солдатам проявлять добрые чувства по отношению к местным жителям. Был такой случай: дал мне один солдат кусок хлеба, увидел это офицер, закричал на него. Мы с солдатом стояли в дверном проёме. Солдат, аккуратно, легонько толкнул меня в плечо, но я от неожиданности через несколько ступенек и покатила кубарем, а хлеб в сторону отлетел. Я поднялась, гляжу — солдат на меня жалостно смотрит и губы в трубочку вытянул, словно прощения просит. Я хлеб схватила — и бегом домой.

Я полагаю, что немецким солдатам возбранялось близко общаться с населением оккупированных территорий не только из-за того, что они могли проникнуться к нам сочувствием, но также из соображений гигиены. Как-то один немец меня посадил к себе на колени, дал кругленькую конфетку, похожую на толстую таблетку, и говорит: «Бом бом». А я вижу, что у него по пройме мундира ползёт вошь, показываю на неё и говорю: «Пан, вошь». Он стряхнул её и мне в ответ: «Гут, вошь».

С приходом оккупантов среди местного населения стали вспыхивать разные болезни и даже эпидемии. К примеру, я болела и дизентерией, и малярией, цингой. Говорили, что болеют в наших местах и брюшным тифом. Никаких правил гигиены мы в то время не соблюдали. У нас не было даже мыла, стирали одежду и мылись щёлоком, который готовили из древесной золы. Мало того, что толку от него не было, он ещё и кожу разъедал. В нашей семье ребяташки сначала мылись, потом мы мыться перестали, ходили грязные, вшивые, а когда наша одежка засалилась от грязи, то вши куда-то делись.

Не одни мы были такие, многие жили ещё хуже. Например: была в нашей деревне тётя Матрёна. Её почему-то все звали Тараканихой. Немцы её дом спалили, она ходила от дома к дому и ночевала, где придётся, а во время обстрелов голову накрывала корытом. Однажды пришла она к нам, села на крыльцо и умерла. А я гляжу — сидит она мёртвая на крыльце, а от неё в разные стороны вши расползаются.

Когда немцы становились на постой в какой-либо деревне, то, прежде чем употреблять в пищу колодезную воду, заставляли эту воду пить местных жителей, а покидая деревню, часто травили колодцы, или заваливали их мусором. Поэтому из колодцев мы воду не пили, а пили из луж.

Мы во время оккупации сильно голодали, так как немцы отбирали всё съестное. Нам приходилось есть очистки, дохлых кошек и собак, древесные угли, глину, также мама нам пекла лепёшки из мха и лебеды. Была у нас и коровка Звездоня, но она давала мало молока, потому, что была больна бруцеллёзом.

Во время рейдов за продуктами питания фашисты ворошили сено, протыкали его штыками, искали еду в подвалах, на чердаках.

Как-то оккупанты в очередной раз нагрянули к нам с обыском. Я тогда болела малярией, лежала на сеновале, меня трясло. Немцы забралась на сеновал и стали в сено штыками тыкать, а штыки у них длинные, раза в четыре длиннее, чем вилы. И тут один немец меня заметил, взял на руки, спустил с сеновала, прижал к себе крепко-крепко и всё повторял: «Киндер, майне киндер».

Был ещё и такой случай: у нас был улей с пчёлами. Мы собранный мёд спрятали в туалете, под стульчаком, так немцы во время обыска даже там его нашли и забрали. Потом они стали требовать, чтобы мама вытащила для них из улья рамки с мёдом. Мама объясняла им, как могла, что мёд весь выкачан, пчёлы голодные, поэтому очень злые, кусают, но фашисты её слушать не стали и плетью погнали к улью. На маме не было ни маски, ни защитного халата, даже не дали ей взять дымарь. Мы, ребяташки, знали, что если пчёлы сильно обкусают человека, то он может умереть, поэтому обступили маму со всех сторон, так и шли, прижавшись к ней. А немцы в это время нас плетью подгоняли. Потом они остановились поодаль. Мы с мамой подошли к улью, а так как мы за маму цеплялись, сковывая её движения, то улей опрокинулся и пустые рамки выпали из него, а рой улетел. Немцы увидели, что мёда в рамках нет, и потеряли к нам интерес.

В то время, когда маму заставляли вытаскивать из улья рамки, старшие сёстры и брат прятались, потому что никто не знал, зачем незваные гости на этот раз пожаловали, за продуктами, или за молодёжью, чтобы угнать в Германию. В Германию угоняли тех, кому уже исполнилось десять лет.

Моему брату Валентину в то время было около десяти, но он был рослым, поэтому мы за него тоже опасались. Что только не придумывали, чтобы схоронить его. Однажды спрятали в дёрн, только маленькое отверстие оставили, чтобы он мог дышать. Я боялась, что он задохнётся, не выдержала, побежала посмотреть, жив ли. Тут как пули над моей головой засвистели и ветки от ябло-

ни мне на голову посыпались — я скорее домой. Мама мне не велела больше туда ходить.

Ребята с десяти лет, так же, как и взрослые, несли трудовую повинность. Ребят заставляли копать окопы. Как-то раз мы с ребятами пошли за военную комендатуру, посмотреть только что вырытые окопы.

Домой мы возвращались через Раховские горы. Дойдя до того места, где раньше, по словам стариков, было озеро, мы остолбенели: на дне впадины была выкопана широкая, глубокая и длинная (метров сорок в длину) траншея. На самом краю этой траншеи по всей её длине в четыре ряда стояли люди.

На пригорке, там, где теперь находится здание бывшей салотопки, стояли машины, а там, где в девяностые годы появился скотный двор, толпились немцы. Они отрывисто и громко говорили на своём языке. На нас никто не обращал внимания. Мы застыли и не знали, что делать.

Раздались выстрелы. Пленные полетели в траншею, при этом многие из падавших в яму, хватались за соседей, увлекая за собой живых...

Тут неожиданно где-то прогремел взрыв, за ним другой. Немцы поскакали в машины и укатили. Мы подошли к траншее, оттуда доносились стоны. В огромной яме среди мёртвых находились живые люди. Мы стали ломать ветки и с помощью этих веток помогали выбраться тем, кто мог это сделать. Мы вытащили человек двенадцать.

Что потом стало с этими людьми, я не знаю. Двоим из них мы с сестрой Ниной помогли скрыться. Эти люди плохо говорили по-русски, но мы поняли, что им нужно пробираться в сторону Новоржева. Нина сбегала в деревню за лошастью, привезла на телеге какое-то дохлое животное. Мужчины легли на телегу, мы их чем-то закидали, а сверху положили падаль. Лошадь, которую сестре дал кто-то из соседей, была настоящей доходягой. Эта кляча и тянула нашу телегу через весь посёлок и дальше. До самого Новоржева мы этих людей не довезли, высадили где-то в поле.

Потом в том месте, где мы вытаскивали из траншеи пленных, было расстреляно ещё много людей, настолько много, что там стоял смрад от разлагающихся трупов.

В то время детей так не опекали, как теперь опекают. Где мы только в то время не бегали! Однажды кто-то сказал, что немцы взорвали могилу Пушкина, мы решили посмотреть, действительно ли это так, и пошли в Святогорский монастырь. Купол храма был взорван, всюду валялись груды разбитых кирпичей, искорёженная жесь и прочий мусор. Могила уцелела, только угол цоколя был повреждён, и я точно видела, что из образовавшейся расщелины торчали чёрные волосы. Удостоверившись, что могила Пушкина цела, мы пошли домой, но на Пушкинской улице нас задержали и отвели в большой каменный амбар, стоявший рядом с военной комендатурой. Рядом с амбаром находились грузовые машины. В амбаре уже было полно детей, немцы, переводчик и старенький батюшка. Батюшка сказал: «Сейчас, ребятки, мы с вами будем учить молитвы. Повторяйте за мной: «Царю Небесный, Утешителю Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны отвсякия скверны, и спаси, Блаже, души наша». Мне молитва не шла на ум, я всё думала о том, что обо мне уже стали беспокоиться дома.

Рядом со мной находился мальчик, который хорошо знал эту молитву. Он мне и говорит: «Я буду громко читать, рот широко открывать, а ты на меня смотри и повторяй за мной». Я так и делала.

И вдруг раздался взрыв. Немцы засуетились. В амбар прибежали ещё три немца, двое встали в дверном проёме, они вели себя беспокойно, всё оглядывались, а третий о чём-то переговорил с переводчиком, тот с батюшкой, и батюшка нам сказал: «Идите, детки, по домам».

Позднее я узнала, что нас хотели отправить в Германию, да помешало то, что партизаны взорвали какой-то мост.

Как Пушкинские Горы освобождали, я не видела. Перед отступлением немцы местное население погнали на выселки. Нас отправили в деревню Коростели. Эта деревня тоже находится в нашем районе, между реками Синею и Великой. В Коростели были выселены не только раховцы, но и жители других деревень. Всех нас поселили в одном очень большом доме. Все мы голодали, поэтому приходилось ходить побираться.

Один раз пошли мы с сестрой Зиной по деревням побираться, дошли до какой-то реки, видим на реке плот, возле него немцы. Немцы нас на плот заманили, завезли на середину реки и столкнули в воду. Мы с Зиной плавать не умели, стали за плот руками цепляться, так немцы нас по пальцам стали своими сапогами бить, чтобы наши руки отцепить.

Спасло нас то, что одежонка наша и котомки за плечами надулись, как шарик. Вся наша одежда и даже нижнее бельё были сшиты из мешковины. Тогда никакого мыла не было, да и не мылись мы, и одежду не стирали. Вся одежда засалилась до такой степени, что даже воду не пропускала. Это нас и спасло, кое-как выплыли на другой берег.

На берегу реки стояла деревня. Мы вышли к какому-то сараю, сели возле него и рассуждаем: «Сейчас пойдём чего-нибудь попросим в этот дом, потом в тот...». И тут слышим голос из сарая:

— «Вы русские?»

— «Мы русские», — отвечаем.

— «И мы русские. Спасите нас. Нас хотят в Германию угнать».

— «А как?»

— «Считать умеете?»

— «Умеем».

— «Отсчитайте от левого угла шесть камней, а седьмой попробуйте вывернуть».

На камень, который надо было вывернуть, я ещё раньше обратила внимание потому, что он немного выступал, и угол у него был острый. Мы под него долго подкапывались, выворачивали его, наконец, вывернули и сразу ушли. Спаслись люди, сидевшие в сарае или нет, мы не знаем, но когда мы пошли побираться по избам, нам хорошо подавали: кто дал картофельных очисток, кто шелухи от гороха, и все нам почему-то говорили: «Спасибо».

Когда мы возвращались через эту деревню домой, на берегу реки догорал дом, а вокруг него горела рожь. Мы поели угольков и пошли дальше.

Через некоторое время каратели пришли за молодёжью и в наш дом. Взрослые спрятали подростков в подвал. На крышку люка поставили большой шкаф. На пол постелили какие-то тряпки и, хотя был день, нам, детям,

велели на них лечь. Когда пришли каратели, мы испугались, все почему-то стали кашлять. Немцы нас стали растаскивать, кого за руку, кого за ногу, чтобы посмотреть, кто это.

Глупенькая Лизонька, мамина сестра, когда это увидела, побежала в коридор, выломала там доску и этой доской как даст немцу по спине! Каратели её схватили, стали избивать. Они её бьют, и она им спуску не даёт.

Потом Лизонька как закричит: «Где Нина, где моя Нина!»

А Нина, моя старшая сестра, в это время в подвале сидела. Тут каратели поняли, что молодёжь где-то в другом месте прячется, пошли на улицу, стали там всё осматривать и нашли заколоченную дверцу, ведущую в подвал. Пока они отрывали доски и выбивали дверь, мама каким-то образом тяжёлый шкаф с места сдвинула, люк открыла и кричит: «Нина, вылезай». А каратели к тому времени уже с улицы дверцу, ведущую в подвал, выбили и оттуда тоже по-русски кричат: «Нина, вылезай». Нина растерялась, не знает, в какую сторону ей бежать. Тут мама её за волосы схватила, выволокла из подвала. Вслед за Ниной ещё несколько человек выскочило. Но не все смогли убежать. Остальных немцы задержали. Дом, в котором мы жили, каратели спалили.

Вскоре после этого над Коростелями пролетел советский самолёт и разбросал листовки, в которых говорилось, что наши близко, и нас скоро освободят. Мы эти листовки ловили, целовали их, но дожидаться освобождения не стали, а решили что нам как-то нужно самим пробираться в сторону дома.

Когда мы перебирались вброд через реку Синюю, погибло много народа. На этой реке было много виров: чуть-чуть свернёшь в сторону — и засосёт. Мы, дети, перебираясь через реку, шли след в след за мамой, которая вела за собой корову Звездоню. Когда наша семья уже подходила к противоположному берегу, нас заметили немцы, сидевшие в окопах, и открыли по нам стрельбу. Маму по касательной ранило в шею. Когда она падала, корова, шедшая за ней, подцепила её на рога и швырнула на берег, а я, увидев это, от неожиданности оступилась и потеряла дно.

И на этот раз меня снова спасла моя грубая просаленная и заскоружлая одежда,

не пропускавшая воду. Когда я окунулась, одежка на мне надулась, как спасательный круг.

За происходящим, видимо, наблюдали наши солдаты. Они меня вытащили, и маме оказали помощь. Как мы рады были, что добрались до своих! Мы, ребяташки, обнимали ноги спасших нас солдат и целовали их сапоги. Помню, что сапоги у них были грязные-грязные.

Когда мы шли в сторону дома, повстречали пленных. Пленные совали нам за пазуху какие-то записки с адресами, что-то говорили на непонятном языке. Моя сестра Нина эти записки потом куда-то пересылала и нам некоторые адресаты отвечали.

Уже не помню почему, но в Рахово я пришла с сестрой Зиной. Мама с остальными детьми где-то задержалась.

В Рахово домов почти не осталось — всё немцы пустили на блиндажи или сожгли. От нашего дома уцелела только печка, а на огороде стояло пять пушек. Ствол одной из них мы сохранили, он до сих пор лежит у нас на огороде. Когда же мы обрабатываем огород, то находим много патронов и осколков от снарядов.

Увидев, что наш дом сгорел, мы с Зиной нашли на краю деревни пустой блиндаж. Он был по колено заполнен водой. Мы притащили в этот блиндаж какую-то корягу, забрались на неё, вытянули ноги — так и переночевали.

На другой день мы с сестрёнкой пошли по малой дорожке в Пушкинские Горы. Смотрим, дорога как будто вся изрытая, и валяются на ней где рука, где нога, где какие-то тряпки, вымазанные чем-то чёрным, словно дёгтем. Мы эти тряпки собрали, обмотали ими себе ноги. (Позднее мы узнали, что дорога, по которой мы шли, была заминирована, и на ней уже погибло много людей).

Дойдя до образцовой кузницы, мы остановились. Через дорогу была перекинута перекладина. На перекладине близко друг к другу висели люди. Их ноги едва-едва не касались земли. Мы с Зиной пролезли у них между ног и пошли дальше.

Через какое-то время и мама с остальными детьми вернулась в деревню. Вернулись уставшие, голодные. Помню, лежим мы с мамой на холодной печке под открытым

небом, а она и говорит: «Вы, ребята, лежите молча, берегите силы».

Потом мы на старой печине из блиндажей домишко соорудили, там и стали жить, а с голоду умереть нам добрые люди не дали. Нам пришлось ходить побираясь, и хотя в то время все жили голодно, бедно, нам подавали, кто что мог. Весной нам кто-то дал картофельных очисток с глазками. Мы их посадили, к концу лета у нас уже была своя картошка.

Подкармливал нас и Семён Степанович Гейченко. Не знаю, каким образом мама с ним познакомилась, а только мы с мамой к нему ходили. Он обучал музыку мою двоюродную сестру, дочку убитой немцами тётки Поли. Жена у него была не русская и очень добрая. Пока Семён Степанович с сестрёнкой занимался музыкой, его жена, бывало, на стол накроет и к столу всех приглашает. А мама, когда увидела, что на стол накрывают, нам тихонечко сказала: «Если вас пригласят за стол, то вы ничего не ешьте, вам нельзя, вы не привыкли так много есть, иначе умрётё». Нам очень хотелось есть, но мы боялись умереть — вот и не ели ничего. Семён Степанович потом всю еду, которая осталась на столе, в сетку положил и маме отдал. А ещё, я помню, он маме говорил: «Я двух девочек смогу в детский дом пристроить». И, действительно, вскоре двух моих двоюродных сестёр Валю и Тасю определили в Велейский детский дом. Шефствовал над этим детским домом Пушкинский заповедник.

Сестрёнка моя, конечно, не стала музыкантом, но уроки такта и великодушия, которые преподавала нам семья Гейченко, мы усвоили на всю жизнь».¹⁵

Война стала страшным испытанием для всех тех, кто оказался втянутым в ход её событий. По-разному складывались судьбы людей, оказавшихся на оккупированной фашистами территории. Бывшая партизанка Мария Павловна Савыгина в статье «Об этом невозможно забыть», опубликованной в газете «Пушкинский край», писала: «Нелегко было не сломиться, не оступиться, а то и просто распознать, где враг, а где друг».¹⁶ Даже среди полицейских были те, кто помогал подпольщикам или был связан с партизанами.¹⁷ Об этом говорится в книге А. Д. Малинов-

ского «Подпольщики Пушкинских Гор». Это подтверждает и Савыгина: «Были и такие, которые шли в полицаи, чтобы найти потом партизан и уйти к ним, но фашисты их превращали умело в убийц, а потом их убивали свои... Сложно было жить, воевать, выжить и не запятнать свою честь... В Пушкинских Горах полицая Степана Тимофеева немцы заставили добывать цыган в мешке. Подпольщики по его просьбе переправили Степана к партизанам Киманова. Он был отважным бойцом. Но всё равно после освобождения Степана судили и дали пять или шесть лет тюрьмы». ¹⁸

Елена Анатольевна Фёдорова со слов своей бабушки, Екатерины Фёдоровны Баркановой, скончавшейся в 2007 году, рассказывала, что полицейских, забивавших цыганят в мешках, а также принимавших участие в расстрелах, перед отступлением расстреляли сами оккупанты. ¹⁹

Изуверское уничтожение цыган в Пушкинских Горах, пожалуй, одна из самых страшных страниц в истории нашего посёлка. Анатолий Малиновский в книге «Подпольщики Пушкинских Гор» пишет: «Тёте Проне кто-то сказал, что старый цыган признался на исповеди в староре, что на всём таборе незамолимый грех: цыгане убили на новоржевской дороге немцев, которые хотели отобрать у них лошадей...»

И вот теперь цыган хватают, будто преступников. Говорят, что их допрашивают, бьют, а вечером расстреливают в овраге у Раховских гор». ²⁰

Многие жители посёлка были свидетелями того, как цыган под конвоем полицейских вели на расстрел по улицам посёлка.

Раиса Ивановна Белькова вспоминает: «Я видела, как группу цыган вели по Пожарной (теперь Советской) улице на расстрел в Раховские горы. Они шли «плетнём», друг за другом, положив руки на плечи, идущему впереди. Они прощались с нами и просили у встречных прощения. Многие жители посёлка, глядя на это, плакали, а некоторые последовали за пленными, провожая их до ветлечебницы. Я к ветлечебнице не пошла, а были и такие, кто даже на деревья забирался, чтобы видеть, что происходит в овраге.

Среди цыган, которых вели на казнь, находилась очень красивая цыганка с девочкой. Позднее я спросила у одного знакомого, наблюдавшего за казнью, о том, что случилось с этой цыганкой, а тот ответил: «Она сразу в яму не упала, так её Юпатов лопатой забил».

Все казни в Пушкинских Горах совершались при деятельном участии Виталия Юпатова. Юпатов был помощником начальника карательного отряда, то есть заместителем начальника полиции.

По словам Марии Фёдоровны Григорьевой, семья Юпатовых перед войной проживала на Пушкинской улице неподалёку от здания средней школы. В детстве Виталий Юпатов отличался изуверской жестокостью по отношению к животным. Как-то содрал с живой кошки шкуру и выпустил на улицу. Таким образом он, видимо, хотел произвести впечатление на сверстников. Мальчишкам пришлось догнать кошку и убить, чтобы она не мучилась. ²¹

В заметке «Народ всё помнит», опубликованной в газете «Пушкинский колхозник» 4 февраля 1959 г., говорится о судебном заседании по делу Виталия Юпатова: «Несколько дней судебная коллегия по уголовным делам Псковского областного суда разбирала дело Юпатова на месте его злодеяний в Пушкинских горах, в открытом судебном заседании. И несколько дней зрительный зал Дома культуры, где проходил процесс, был переполнен...»

И вот теперь все пришедшие в суд оказались свидетелями страшных дел карательного отряда. Они всё видели, на всю жизнь запомнили, и теперь, когда на суде Юпатов начинает врать, с места поправляют его:

— Врёшь, мерзавец! Мы всё видели, ничего не забыли!» ²²

Татьяне Александровне Сазоновой было всего 5 лет, когда отец взял её с собой на судебное заседание по делу Юпатова. Она вспоминает: «Я тогда была маленькая, плохо понимала, о чём шла на суде речь, помню только, как рассказывали о казни цыганят, мне их так было жалко». ²³

В ранее упомянутой заметке, опубликованной в газете «Пушкинский колхозник», тоже упоминается этот факт: «...выводят маленьких цыганских детей. Сколько

их было? Говорят, около двадцати... Дети плакали. Они чувствовали, что их ожидает что-то страшное.

— Ну, чего расхныкались? — с улыбкой Юпатов спросил детей. — Не плачьте, я отведу вас к папам и мамам...

И со своими полицаями отвёл их к яме...

Теперь скоро конец: остались одни грудные цыганские дети. Их отцы и матери помогали партизанам. Сегодня ночью к младенцам прибавился ещё один: цыганка родила тут же в подвале комендатуры.

... Грудные не ходят, их не поведёшь. Приносят несколько мешков. Юпатов со своими подручными складывает живых детей в эти мешки. Дети плачут... Чтобы они прекратили кричать, одного из полицейских заставляют забить их лопатой. Несколько ударов, и крики утихли, из мешка потекла кровь».²⁴

Сергею Павловичу Ефимову его бабушка рассказывала о том, как по распоряжению Юпатова полицейские бросали грудных цыганят по двое, а то и по трое в мешки, и забивали их об угол её мазанки, стоявшей напротив комендатуры. В конце 80-х годов эту мазанку подновили, отремонтировав и обложив силикатным кирпичом. В настоящее время это дом № 33 на Пушкинской улице.²⁵

В годы оккупации казни в Пушкинских Горах стали частым явлением. А. Д. Малиновский в книге «Подпольщики Пушкинских Гор» писал: «Про расстрелы рассказывал Степан Кошелев. Его дом стоял на окраине, около заброшенного песчаного карьера. Почти каждое утро фашисты расстреливали в карьере схваченных патриотов. Кошелев поднимался на чердак, смотрел в щели фронтона. Бинокла не было, и лица палачей, и тех, кого они убивали, Степан видел смутно... За утро расстреливали трёх-четырёх человек».²⁶

О том, что в карьере в годы оккупации проводились расстрелы, говорит и тот факт, что в послевоенное время родители не пускали детей играть в этот карьер, объясняя отказ тем, что там во время войны устраивались казни.²⁷

Костров С. в заметке «Народ всё помнит» пишет: «Юпатов рассказал на суде, что некоторые казни они устраивали публично и принуждали жителей присутствовать при повешениях советских людей».

Раису Ивановну Белькову, бывшую в то время ребёнком, настолько потрясла казнь раненного в живот партизана, что она до сих пор не может вспоминать о виденном без слёз.

В заметке Кострова так говорится об этом: «...медленно движется по Пушкинским Горам телега. Лошади нет. Вместо неё в телегу впряглись несколько полицаев. Ох, как медленно движется телега! Скорее! Юпатов становится сзади, начинает её подталкивать. В телеге лежит партизан. Известно только, что звали его Михаилом. Он тяжело ранен в живот. Одна из свидетельниц дала ему своё полотенце, чтобы хотя бы немного облегчить муки страдальца за народное дело. Так он и запомнился с окровавленным полотенцем на животе. Он не мог встать во весь свой рост. Он лежал, но до последней минуты он проклинал своих мучителей! Петлю ему на шею накинул Юпатов. Приподнял с телеги и потом оттолкнул телегу».²⁸

Зоя Александровна Лаптева также была очевидцем этой казни. Вот её воспоминания: «Казнями в основном занимались полицаи, немцы старались руки не марать. Раненного партизана тоже казнили полицаи.

Виселица была установлена перед высоким глухим забором, соединявшим начальную школу и лавку, стоящую справа от каменных амбаров».²⁹ (Двухэтажное, обшитое вагонкой здание школы, размещённой до войны в бывшем кабаке, было разобрано несколько лет тому назад, а лавку снесли вскоре после войны).

Малиновский А. Д. писал: «Оккупанты принесли в пушкинский край страх, голод и суровый «орднунг» — «новый порядок».³⁰

Жертвами этой войны оказались все те, кто был втянут в её круговорот, в том числе и сами оккупанты, хотя бы в силу того, что многие из них на фронте оказались не по своей воле. Те немцы, с которыми в обыденной жизни довелось общаться Лаптевой З. А., относились к ней доброжелательно. Один из них как-то разоткровенничался и сказал: «Мы не хотим этой войны. Пусть наш Гитлер с вашим Сталиным дерутся, если им хочется, а нам этого не нужно». Другой немец, вернувшись из отпуска, привёз ей одежду своего погибшего сына.

«Однажды, — вспоминала Зоя Александровна, — я ловила в нашем озере подолом юбки рыбу, напоролась на оставленную кем-то острогу и сильно повредила ногу. На берегу озера сидел немец, он достал свой индивидуальный медицинский пакет, обработал мою рану и перевязал ногу. Я хотела его отблагодарить, предложила рыбы, но он ничего не взял».³¹

Белькова Р. И. также рассказывала о том, как, на этот раз уже немецкий врач, оказал срочную медицинскую помощь её матери, несмотря на то, что в посёлке работала больница, в которой лечили местное население. От вознаграждения он отказался, только попросил истопить баньку.³²

По воспоминаниям Евгения Гавриловича Варфоломеева, в самом начале оккупации, в то время, пока ещё не активизировалось подпольное и партизанское движение и не появились в районе каратели, фашисты хоть и зверствовали, но, видимо, заигрывая с народом, иногда вели себя гуманно по отношению к нашей вере, культуре и даже к обывателям. Колхозный скот, который не успели эвакуировать колхозники, немцы раздали крестьянам. На семью давали по корове, а лошадь выделяли на три семьи.³³

Летними погожими вечерами на горе Закат новая власть устраивала танцы. На танцы позволено было ходить и местной молодёжи. Но продолжалось это недолго. Через какое-то время в здании дореволюционного волостного правления (пер. Школьный городок, д. № 3), стоявшем на горе Закат, по словам Бельковой Р. И., оборудовали немецкую амбулаторию, а неподалёку от амбулатории появилось немецкое кладбище.

«С весны были вновь открыты дом Пушкина и домик няни в Михайловском. Наши не смогли эвакуировать музейные ценности в глубь страны: машины, что их везли, были схвачены возле Новоржева. Всё ценное оккупанты отправили в Германию, но что-то оставили, музей открыли».³⁴

Пробовали оккупанты привлечь на свою сторону и верующих. Успенский собор Святогорского монастыря, пострадавший от бомбёжки, подремонтировали и в нём возобновились службы. Служил в Успенском соборе отец Владимир. По словам Анастасии

Васильевны Виноградовой, местные жители ему не доверяли, потому что он пришёл вместе с немцами.

Анастасия Васильевна вспоминала: «Непонятно было, за кого этот отец Владимир был, — за наших, или за немцев. Однажды во время службы, после молебна о победе немецкой армии, он сказал: «За врагов наших Господу помолимся!». Тут наши бабы на него взъелись: «Какие они нам враги? — они мужики, да сынки наши!», чуть батюшку не прибили. С тех пор батюшку никто не видел, видно, испугался, сбежал. После него при немцах служил отец Георгий, тот самый, который раньше служил в Печанах, но ему народ тоже не доверял. Наши в войну всё больше ходили в Казанскую церковь. Там служил наш местный батюшка, отец Иоасаф. Он молился за победу нашей армии. О нём поговаривали, что он был связан с партизанами».³⁵ Службы в Казанской церкви шли даже во время бомбёжек.

Схимомонахиня Анастасия (Барина) вспоминала: «Во время Великой Отечественной войны бомбили немцы Святые Горы. Рядом дома с Казанской церковью взрывались. Настя Виноградова была ранена. А в храме служил отец Иоасаф — народу было битком. Он говорит народу: «Кричите, что есть силы: «Господи, помилуй! Спаси, нас, Матерь Божия, спаси нас!» Народ кричал во время бомбёжки. Сбросили бомбу на храм, но она не взорвалась. Немцы удивлялись: «как это, хорошая бомба не взорвалась?»»³⁶

Анастасия Васильевна Виноградова, та самая Настя Виноградова, о которой упомянула схимомонахиня Анастасия, хорошо помнит, что ранило её вечером на Благовещение, то есть 7 апреля. Случилось это в 1944 году. Никто не знает, кто бомбил посёлок, наши или фашисты, специально это делалось или произошло по ошибке. Известно только, что как раз 7 апреля 1944 года началась операция 2-го Прибалтийского фронта по расширению Стрежнёвского плацдарма, появившегося в конце марта 1944 года в районе деревни Чёртова гора в результате прорыва силами 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта оборонительной фашистской линии «Пантера». Здесь, в 13 километрах от Пушкинских Гор этой ночью шёл самый кровопролитный

бой за всю долгую историю существования этого плацдарма.

Анастасия Васильевна Виноградова о своём ранении рассказывала: «В тот день я пораньше ушла с вечерней службы, пришла домой (жила я возле церкви, на Лесной), села на скамейку возле дома. Темно уже было. Вдруг вижу, по небу огоньки летят, и слышу — самолёты ревут. И тут как взялись бомбить! Одна бомба взорвалась за нашим домом, меня в ногу осколком ранило, и дядю Мишу ранило, и корову нашу... Корову сосед прирезал, а нас с дядей Мишей немцы на машину погрузили и в Поляне отправили. Там нам долго осколки тягали, затем отправили в госпиталь в Опочку. Что потом с дядей Мишей стало — не знаю, с тех пор я его больше не видела. Меня в госпитале долго лечили. Врачи были русские, но работали на немцев. Врачи лечили очень хорошо, а кормили в госпитале плохо: давали немного хлеба, да суп из чечевицы».³⁷

Город Опочку, в котором лечили Анастасию Васильевну, советские войска освободили раньше, чем Пушкинские Горы, так как продвижению наших войск в направлении Пушкинских Гор преградила путь фашистская оборонительная линия «Пантера», протянувшаяся с севера на юг на 400 километров. В Пушкинском районе она проходила вдоль рек Сороть и Великая, а следовательно она пролегла и по территории Пушкинского Заповедника.

В «Книге памяти» говорится: «Вплотную к Пушкинским Горам фронт подошёл в начале сорок четвёртого года. В феврале были освобождены некоторые сельсоветы. Гитлеровцы не оставили там в целостности ни одной постройки, всё выжгли. Они пытались угнать на запад всё население, но люди уходили в леса.

Фронт рассёк район надвое. В Пушкинских Горах ещё были враги, а в лесу, под деревней Селиваново уже действовал полевой военкомат и наши земляки уходили в действующую армию, чтобы принять бой уже на Чёртовой горе».³⁸ Ожесточённые бои на Стрежнёвском плацдарме продолжались три с половиной месяца.

Казаков М. И. в книге «Над картой боевых сражений» о расположении Стреж-

нёвского плацдарма пишет: «Оборону врага хорошо маскировали большие хвойные леса. Нас же он видел, как на ладони. С занятых немцами высот просматривались не только боевые порядки наших передовых частей, но и наши вторые эшелоны, даже тылы на 20–30 километров».

При всём том в районе Пушкинских Гор гитлеровцы располагали крупной артиллерийской группировкой».³⁹

Сергею Павловичу Ефимову его мать, Зоя Михайловна Иванова, рассказывала о том, что орудия стояли в том числе и на стадионе».⁴⁰ Из этого следует, что во время артобстрелов над Казанской церковью, возвышающейся на Тимофеевой горке над стадионом, летели в сторону Стрежнёвского плацдарма снаряды. Возможно, эти снаряды не всегда долетали до намеченной цели.

Об одном из таких случаев рассказала Иванова Клавдия Кирилловна: «Родилась я в Бирюлях. В январе 1944 года нашу деревню немцы сожгли, так же как и все другие деревни в округе. Всего было сожжено 72 деревни. Ни одного дома фашисты не оставили, ни одного сарая. Мы поплатились за то, что в наших местах действовали партизаны, а деревенские жители им помогали, чем могли, в том числе снабжали продуктами.

Папа был на фронте, а нас с мамой выселили в Пушкинские Горы. Поселились мы на Горной улице. Было в то время очень голодно. Люди траву ели да гнилую картошку. У детей от этой пищи животы вздувало. Как правило, ни с того, ни с сего вздуется живот — и нет ребёнка. Много ребят тогда умерло. Было страшно, я каждый день бегала в Казанскую церковь Богу помолиться. Однажды сама видела, как снаряд упал возле алтаря и не взорвался. Я недалеко от этого места находилась. Это случилось днём, скорее всего, был апрель, потому что всюду лежал грязный подтаявший снег. С тех пор мама меня в церковь не пускала. Потом нас переселили в барак на Почтовую. Барак стоял на перекрёстке, в нём народу было набито битком. Почтовую бомбили летом, когда наши наступали. Немцы этих бомбёжек очень боялись, всё на гору Закат убегали прятаться».⁴¹

В воспоминаниях Клавдии Ивановны приводятся сведения о многочисленных ско-

ропостижных смертях детей от вздутия живота. Вздутие живота — это один из симптомов брюшного тифа, страшной вирусной болезни, по степени интенсивности распространения и летальных исходов стоящей в одном ряду с чумой и холерой. Дети от брюшного тифа, как правило, умирают очень быстро.

В Пушкинском районе эпидемия брюшного тифа разразилась в начале оккупации. Это подтверждают воспоминания Никифорова В. Г.: «Мой дед Никифор Петрович доставлял в тифозный барак больных и сам заразился тифом. Немцы очень боялись тифа, поэтому было отдано распоряжение наш дом сжечь. Спасибо, помог уличный староста Пётр Иванович Прохоров. Он головой поручился за нашу семью, заверив, что пока в доме находятся больные, никто из него не выйдет. Дедушка умер от тифа в 1941 году».⁴²

Эпидемия косила людей на протяжении всех трёх лет оккупации. Александра Фёдоровна Артемьева вспоминала: «Мои бабушка Хавронья и дед Андрей умерли от тифа в сорок четвёртом году. Когда дедушка умирал, его дочка, тётя Мавруша, сказала: «Тятенька, если ты умрёшь, то и я умру». Дедушка улыбнулся и ответил: «Нет, только я умру, а ты ещё долго будешь жить», — так с улыбкой и умер. Тётя Мавруша действительно прожила долгую жизнь».⁴³

Рассказы пушкингорцев, находившихся на оккупированной фашистами территории Пушкинского района, приводят к мысли, что эпидемия брюшного тифа в этих местах возникла не случайно. Этому способствовало отсутствие средств гигиены, плохое питание, большое количество трупов, зачастую едва присыпанных землёй. Даже в озеро Тоболенец, воду которого до революции дважды в году освящали, поэтому вода в нём считалась святой, было выброшено несколько мешков с трупами цыганят, заколотых штыками в подвале хозяйственной комендатуры (в настоящее время это здание аптеки на Пушкинской улице). Об этом факте говорится в книге Малиновского «Подпольщики Пушкинских Гор».⁴⁴

Фронт подошёл вплотную к Пушкинским Горам в начале сорок четвёртого года,

но ещё «в марте 1943 года, задолго до подхода линии фронта к Пушкинским Горам, немцы приступили к систематическому разрушению «охранявшегося» ими Святогорского монастыря. По свидетельству священника И. Д. Дмитриева, немцы дважды подрывали главную церковь монастыря — Успенский собор, построенный в 16 веке по повелению Ивана Грозного».⁴⁵ Но, видимо, этого им показалось недостаточно. Под основание Святой горы, на которой у алтаря Успенского собора находилась могила Пушкина, фашисты прорыли тоннель и заложили в него большое количество взрывчатки. Тоннель был прорыт под дорогой, огибающей Святую гору.

Зоя Михайловна Иванова рассказывала своему сыну Сергею Павловичу Ефимову о том, как однажды она, спустившись в овраг, случайно вышла к этому тоннелю. Тоннель был широкий и довольно высокий, в нём горел электрический свет. Из глубины тоннеля доносились мужские голоса. Из услышанных реплик можно было сделать вывод, что люди, находившиеся в тоннеле, выпивали и закусывали.⁴⁶

Благодаря счастливому стечению обстоятельств, расторопности командиров Советской армии и самоотверженности бойцов, освобождавших Пушкинские Горы, взрыв Святой горы и могилы Пушкина удалось предотвратить.

«Пушкинские Горы были освобождены 12 июля 1944 года. Немцы покинули посёлок, оказав лишь незначительное сопротивление. Однако освобождению посёлка Пушкинские Горы предшествовали долгие кровопролитные бои на Стрежнёвском плацдарме, унёсшие тысячи человеческих жизней.

Много лет прошло с тех пор, но в памяти людей старшего поколения по сей день живут воспоминания о военном лихолетье. И мы, представители нового поколения, тоже не имеем права забывать об этом, так как память, по определению Дмитрия Лихачёва, «...основа совести и нравственности».⁴⁷ «Подобно тому, как личная память человека формирует его совесть... — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живёт народ».⁴⁸

Примечания

- ¹ Лихачёв Д. С. Письма о добром. СПб. 2006. С. 207.
- ² Там же.
- ³ Савыгин А. М. Пушкинские Горы. Л. 1978. С. 98.
- ⁴ Малиновский А. Д. Подпольщики Пушкинских Гор. Л. 1984. С. 4.
- ⁵ Запись воспоминаний А. В. Петровой. 2 января 2013 г. Архив автора.
- ⁶ Запись воспоминаний М. Ф. Григорьевой. 23 мая 2012 г. Архив автора.
- ⁷ Запись воспоминаний Р. И. Бельковой. 30 мая 2014 г. Архив автора.
- ⁸ Запись воспоминаний Е. Ф. Аникова. 3 марта 2012 г. Архив автора.
- ⁹ Запись воспоминаний А. Н. Изотовой. 23 сентября 2014 г. Архив автора.
- ¹⁰ Запись воспоминаний В. Г. Никифорова. 10 сентября 2014 г. Архив автора.
- ¹¹ Свяц, Михаил Иванов. «Девять дней 1941 года» // Пушкинский край. 2010. 13 июля.
- ¹² Запись воспоминаний А. В. Михайлова. 17 апреля 2013 г. Архив автора.
- ¹³ Запись воспоминаний А. В. Михайлова. 23 апреля 2013 г. Архив автора.
- ¹⁴ Запись воспоминаний М. Ф. Григорьевой.
- ¹⁵ Запись воспоминаний А. Н. Изотовой.
- ¹⁶ Савыгина М. П. «Об этом невозможно забыть» // Пушкинский край. 2011. 22 марта.
- ¹⁷ Малиновский А. Д. Указ. соч. С. 57.
- ¹⁸ Савыгина М. П. Указ. соч.
- ¹⁹ Запись воспоминаний Е. А. Фёдоровой. 17 октября 2014 г. Архив автора.
- ²⁰ Малиновский А. Д. Указ. соч. С. 35.
- ²¹ Запись воспоминаний М. Ф. Григорьевой.
- ²² Костров С. «Народ всё помнит» // Пушкинский колхозник. 1959. 4 февраля.
- ²³ Запись воспоминаний Т. А. Сазоновой. 3 марта 2014 г. Архив автора.
- ²⁴ Костров С. Указ. соч.
- ²⁵ Запись воспоминаний С. П. Ефимова. 10 сентября 2014 г. Архив автора.
- ²⁶ Малиновский А. Д. Указ. соч. С. 51.
- ²⁷ Запись воспоминаний Е. В. Григорьевой. 13 августа 2014 г.
- ²⁸ Костров С. Указ. соч.
- ²⁹ Запись воспоминаний З. А. Лаптевой. 11 апреля 2011 г. Архив автора.
- ³⁰ Малиновский А. Д. Указ. соч. С. 18.
- ³¹ Запись воспоминаний З. А. Лаптевой.
- ³² Запись воспоминаний Р. И. Бельковой.
- ³³ Запись воспоминаний Е. Г. Варфоломеева. 5 января 1988 г. Архив автора.
- ³⁴ Малиновский А. Д. Указ. соч. С. 31.
- ³⁵ Запись воспоминаний А. В. Виноградовой. Архив автора.
- ³⁶ Запись воспоминаний схимонахини Анастасии (Бариновой). 13 февраля 2008 г. // Сайт Казанской церкви п. Пушкинские Горы.
- ³⁷ Запись воспоминаний А. В. Виноградовой.
- ³⁸ Савыгин А. М. «Гордиться памятью своих предков» // Книга Памяти. Т. 2. Псков. 1994. С. 353.
- ³⁹ Савыгин А. М. Пушкинские Горы. С. 111.
- ⁴⁰ Запись воспоминаний С. П. Ефимова.
- ⁴¹ Запись воспоминаний К. К. Ивановой. 19 апреля 2012 г. Архив автора.
- ⁴² Запись воспоминаний В. Г. Никифорова. 11 сентября 2014 г.
- ⁴³ Запись воспоминаний А. Ф. Артемьевой. 5 ноября 2012 г. Архив автора.
- ⁴⁴ Малиновский А. Д. Указ. соч. С. 36–38.
- ⁴⁵ Савыгин А. М. Пушкинские Горы. С. 119.
- ⁴⁶ Запись воспоминаний С. П. Ефимова.
- ⁴⁷ Лихачёв Д. С. Письма о добром. С. 208.
- ⁴⁸ Там же.

**Григорьева М. Ф. (слева) и Петрова А. В. 2014 г.
(Фото из архива автора)**

**Петрова А. В. (слева) и Григорьева М. Ф. 1944 г.
(Фото из архива автора)**

**Михайлов А. В. 2012 г.
(Фото из архива Михайлова А. В.)**

Михайлов А. В. 1941 г.
(Фото из архива Михайлова А. В.)

Немцы в Святогорском монастыре.
Май 1944 г. // Пушкинский край. 2013. 12 июня

Изотова А. Н. Возле собственного дома,
построенного в д. Рахово из немецких
бункеров. 2014 г.
(Фото из архива автора)

Изотова А. Н. (в центре) с подругами. 1953 г.
(Фото из архива Изотовой А. Н.)

**Руины Никольской церкви в Святогорском монастыре. 1945 г.
(Фотонегатив Пушкинского Заповедника)**

**Каменные амбары в п. Пушкинские горы (современный вид). 2013 г.
(Фото из архива автора)**

**Гейченко С. С. с женой Любовью Джалаловной
и псом Арсеем. 1946 г. (Фонд временного
хранения Пушкинского Заповедника)**

**Здание Пушкиногорской школы, в которой в годы фашистской оккупации была размещена
военная комендатура. 1949 г. (Фото из архива Никифорова В. Г.)**